

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

Доктор исторических наук
В. В. МАВРОДИН

**НАЧАЛО
МОРЕХОДСТВА
НА
РУСИ**

ЛЕНИНГРАД
1950

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Доктор исторических наук
профессор

В. В. МАВРОДИН

НАЧАЛО
МОРЕХОДСТВА
на
РУСИ

*Стенограмма публичной лекции,
прочитанной в Ленинграде
в 1950 г.*

ЛЕНИНГРАД
1 9 5 0

Дурная традиция в русской дворянско-буржуазной исторической науке приводила к тому, что знатоки военно-морской истории считали невозможным начинать ее со времен до так называемого «призвания варягов», даже несмотря на то, что были уже опубликованы источники, изучение которых дало бы возможность отодвинуть начало морской истории восточного славянства ко временам, предшествующим легендарным событиям 862 г., связанным с «призванием варягов».

Обращаясь к трудам по истории русского флота, вышедшим из-под пера дворянских и буржуазных историков, не трудно убедиться, что все они — Висковатов и Веселаго, Белавенец и Аренс — начинают изложение этого вопроса с событий второй половины IX в. и связывают начало мореходства на Руси с появлением на берегах Волхова и Днепра пресловутых варягов (норманнов).

Такое отношение к истории русского народа, идущее вразрез с источниками, было обусловлено неверием правящих классов дореволюционной России в творческие силы русского народа, тем, что «господствующие классы старой России были нередко в большой духовной зависимости от более развитых в капиталистическом отношении государств Европы. Это позволяло культивировать среди некоторых кругов старой интеллигенции рабское сознание неполноценности и духовной зависимости от буржуазных стран Европы»¹.

Поджигатели новой войны, англо-американские империалисты, ведя «холодную войну» против СССР, всячески стремятся умалить значение русского народа в мировой истории.

¹ В. М. Молотов. 30-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6. XI. 1947 г., Политиздат, 1947, стр. 29.

«Ученые» зарубежных и заокеанских университетов и колледжей охотно выполняют заказы хозяев Уолл-стрита.

За последние годы вышло немало пасквилей, изданных в Америке, Англии, Франции, Швеции, стремящихся доказать сугубо «сухопутный» характер русского народа, якобы неспособного к мореплаванию. Об этом пишут Жермен да Коста Луйе, Грегуар, Боак, Луи Брейе, Леннарт Ниландер и белоэмигрант Васильев.

Создавая свои бредовые теории, они извращают истину и действуют по правилу, что если факты противоречат их «теории», то «тем хуже для фактов».

Что же говорят факты о мореходстве на Руси, о начальных страницах русской морской истории, о мореходных качествах великого русского народа?

Еще на начальных этапах своего этнического формирования восточное славянство освоило водную стихию. Уменье переправляться через реки и озера восходит, конечно, к седой древности, к тому времени, когда еще не существовало ни славянских языков, ни самих славян и по рекам и озерам Восточной Европы плавали лишь предшественники восточных славян.

Нет никакого сомнения в том, что славяне письменных источников являются народами морскими. Не случайно в источниках начала нашей эры, впервые упоминающих о славянах и называющих их венедами, о них говорится, как о жителях берегов Вислы и побережья Балтийского моря. В «Естественной истории» Плиния Старшего, жившего в I в. нашей эры, мы читаем: «Некоторые писатели передают, что эти местности, вплоть до реки Вистулы (Вислы), заселены сарматами, венедами, скифами, гиррами». В «Германии» Тацита также говорится о венетах или венедах: «Здесь конец страны свевов. Относительно племен певкинов, венетов и финнов я не знаю, причислять ли мне их к германцам или сарматам... Более походят венеты на сарматов по своим нравам и обычаям». Еще одно упоминание о венедах мы имеем в «Географии» Птолемея: «Сарматию занимают очень большие племена: веныды вдоль всего Венедского залива; на Дакия господствуют певкины и бастарны; по всей территории, прилегающей к Меотийскому озеру, — языги и роксаланы; вглубь страны от них находятся амаксобии и аланы-скифы».

Сравнивая и сличая скудные свидетельства древних авторов, мы можем сделать вывод, что веныды обитали к северу от Карпат до Балтийского моря («Венедского залива»). Не

случайно здесь, по Висле и у берегов Балтики, сохранилась до наших дней древнейшая славянская топонимика¹; не случайно еще у писателей древности упоминается Кодацкий залив, где ныне стоит польский город Гданск (древний Къданск); не случайно потомки венедов — поморские (балтийские) славяне в средние века были известны как искусные мореходы.

Венеды древности, несомненно, приняли участие в формировании не только западных, но и восточных славян. Связи западно-славянского поморского мира с западной частью восточного славянства (особенно с новгородцами) давно уже обращали на себя внимание и вновь были подтверждены изысканиями последнего времени.

Конечно, далеко не все славянские племена того периода, когда из пестрой массы палеоевропейских языков выделялись и складывались древние славянские языки (именно этот период времени следует считать началом этнического оформления славянства), были обитателями морских побережий и устьев больших европейских рек. Однако со временем большинство индоевропейских, и в том числе славянских, племен по рекам дошло до всех морей Европы и освоило их берега, а часть племен по суше вышла к побережью. В этот период слово «море» стало обозначать во всех почти без исключения индоевропейских языках «большое пространство (скопление) горько-соленых вод».

Произошла одновременно и индоевропеизация древнейшего доиндоевропейского населения морских побережий. Происходило это тоже в очень отдаленные времена.

О том, что уже в эпоху формирования славянских и балтийских языков соседи славян — балтийцы жили на берегах Балтийского моря, говорит ряд данных. Литовцы до сих пор называют морем («юрья») маленькую речонку, некогда представлявшую собой устье Немана, и «крантас» (крутой, обрывистый берег) выступ в Курском заливе от Клайпеды на юг. По мнению геологов, этот выступ 5000—6000 лет тому назад представлял собой действительно берег моря. Анализ наименований рыб, водящихся в реках, впадающих в Балтийское море, в частности, общность названий лосося, угря и миноги в ряде индоевропейских и финноугорских языков указывает, что народы, говорившие на этих языках, с древнейших времен соприкасались между собой на берегах Балтийского моря.

¹ Топонимика — названия гор, озер, лесов, рек и т. п.

Слово «море» в обозначении «большого пространства горько-соленых вод» характерно для большинства индоевропейских языков. Все это свидетельствует о том, что распространение индоевропейских языков вширь и ассимиляция ими смежных и родственных языков юга, запада и севера протекали в обстановке широкого использования племенами с индоевропейской речью природных богатств моря.

В эпоху начального формирования индоевропейских языков море было привычной стихией. Заселившие берега морей индоевропейские племена, в том числе и те, которые в дальнейшем дали и славян, и их ближайших сородичей и соседей — балтийцев, широко и в различных целях пользовались водными пространствами. Такие слова, как «море», «прилив», «отлив», «пучина», «лука», «залив», «пристань» и т. п., встречаются во всех славянских языках. Общие слова, относящиеся к морю, являются следом не только культурных связей славянизировавшихся племен древней Европы, но дают представление о самой культуре славян времен формирования древнейших славянских языков, о степени общности их к мореходству и к жизни в прибрежной, поморской полосе.

Для нас не будет странным это поступательное движение славян к морям, если мы учтем, что древнейшие очаги этногенеза славян расположены в верховьях Эльбы (Лабы), Вислы, Днепра, Западной Двины, Оки, Волги, Днестра, Южного Буга. Все многочисленные и сильные племена, владеющие истоками рек, расселялись вниз по течению и стремились к овладению их устьями и прилегающими к ним берегам моря. А славяне были именно такими могущественными и многочисленными племенами.

Необходимо подчеркнуть также значение рек-дорог в истории славянства. Не случайно у южных славян «драга» (дорога) и по сей день означает путь вдоль воды, водоем, а у чехов — канаву, или ров, наполненный водою.

Следовательно река и море, вернее, сначала река, а затем и море, были освоены славянами в очень отдаленные времена. Конечно, между плаванием предков славян по рекам и озерам и плаванием славян по морям лежит промежуток во много тысяч лет. Люди научились форсировать водные преграды в виде рек и небольших озер еще в глубокой древности. И это искусство было известно еще предшественникам славян, в то время как морские плавания, точнее, плавания вдоль берегов, стали столь обычными уже у собственно славян.

Пересекать открытое море научились, конечно, еще позднее, уже на памяти авторов первых письменных источников, во времена антов. Под именем антов в письменных источниках VI—VII вв. выступает юго-западная ветвь восточных славян, русских, достигшая в IV—VII вв. очень высокого уровня материальной и духовной культуры, очень высокой стадии развития общественного строя и политической жизни.

В VI—VII вв. южные славяне бороздили Адриатическое море, славянский Ядран, плавали по морям и островам Эгейского архипелага, бывали на берегах Малой Азии, пенили воды Средиземного и Мраморного морей, и силу их ударов познали Эпир и Ахайя, Малая Азия и Апулия, Крит и Солунь, Киклады и Иллирия. О западных славянах, заселявших все побережье Балтийского моря от Старгарда в земле вагров, у самых границ Дании, и до древнего Коданского залива, где был основан польский Гданск, не приходится и говорить.

Поморские славяне были такими же хозяевами Балтийского моря, как и дони (датчане) и свен (шведы). Смелые мореходы, они пробрались даже к берегам Англии, где были основаны славянские поселения.

Берега Черного моря славяне заселяли еще в очень отдаленные времена. Среди племен древней Дакии, занимавшей обширные пространства Причерноморья по Днестру, Пруту, Дунаю, уже в начале нашей эры, мы встречаем предков восточных славян, русских.

Берега Черного моря от днепровского устья и до дунайских гирл занимали многочисленные племена антов — восточных славян.

Потомки и преемники населения древнего Причерноморья, они полностью восприняли стремление на юг, к морю и за море, от своих предков и предшественников времен великого переселения народов и еще более далеких, когда они выступали в источниках под названием даков, фракийцев, скифов, и уже были связаны с античным миром.

Это был тот период в истории восточных славян, да и в истории славян вообще, когда они, в процессе освоения новых земель и расширения заселенной ими территории, столкнулись с могущественным Восточным Римом — Византийской империей, стремившейся подчинить своему влиянию многочисленные и свободолюбивые племена славян и антов, превратить их в своих подданных, в рабов. В борьбе с Восточной Римской империей анты объединились в племенные союзы. Эта борьба делала их воинственными и опасными врагами «ромеев» (ви-

зантийцев), и вполне понятно, почему в византийских источниках VI—VII вв. анты выступают именно с этими качествами.

До сих пор историки только предполагали, что среди упоминаемых в источниках походов славян (под которыми подразумеваются южные славяне) на Малую Азию и Крит, Апулию и Солунь, имели место походы и восточных славян, антов. Теперь же мы располагаем достоверными источниками, дающими нам право утверждать участие восточнославянских племен в морских походах славян VII в. и организацию ими самостоятельных морских походов.

Речь идет о рукописи грузинского монаха Георгия Мтацмидели, составленной около 1042 г. В ней повествуется о том, как «...на восьмой год царствования Фоки вступил на престол Ираклий, по выбору всех князей и народа. Страна была многократно сокрушена персами и скифами, кои суть русские... Хаган-скиф наполнил свои лодки-моноксилы воинами, сам тоже взял множество воинов и, вооружившись, атаковал город со стороны суши, желая разрушить укрепления города стенобитными машинами, поставленными против городских стен. Сообщение с морем он считал обеспеченным, так как на лодках имел множество ратников...» Автор рукописи сообщает, что «все море вокруг города наполнилось вражескими лодками, каждая из которых выдолблена была из одного цельного длинного дерева и которая на их варварском языке называлась моноксило («на их варварском языке» — ошибочно; следует читать «на греческом языке». — В. М.)».

Далее в рукописи говорится о том, как после штурмов русские сжигали трупы своих павших воинов. «Сжигание требовалось обычаем варваров: предавая умерших огню, они сами предавали их «вечно огню».

Этот поход русских на Константинополь имел место в 626 г. Ряд греческих источников сообщает о том, что в этом году Константинополь подвергся нападению со стороны славян и авар. Основную массу славян, осаждавших столицу Византийской империи в 626 г., составляли восточные славяне, русские, которых византийцы и позднее, по месту их обитания, называли «скифами». Об этом говорит указание рукописи Георгия Мтацмидели на сжигание русскими («скифами, кои суть русские») трупов павших воинов. Этот обычай господствовал среди восточных славян, тогда как южные их соплеменники — тоже славяне — почти исключительно предавали своих покойников земле. Сведения Георгия Мтацмидели подтверждаются византийским писателем XII в. Манассесом,

который в одной из своих поэм говорит о походе русских на Константинополь в 626 г.

К берегам Черного моря юго-западная ветвь восточных славян — анты — вышла очень давно. Рано они освоили и морскую стихию. И что это действительно было так, можно судить по тому, что Византия, располагавшая достаточным количеством умелых полководцев и искусных флотоводцев, ценя в антах их воинскую доблесть, их знание военного дела и навыки, приглашала антов к себе на службу и поручала им высокие должности не только в сухопутной войске, но и во флоте.

Наряду с антами Анангастом, командовавшим фракийскими войсками Византии в 469 г., Хвалибудом, начальствовавшим над всеми византийскими гарнизонами по Дунаю в 30-х годах VI в., Всегордом, занимавшим высокий пост в войске «ромеев», мы встречаем анта Доброгаста в качестве командующего византийской Черноморской эскадрой. Такой пост мог быть предложен только знающему и опытному моряку, а это предполагает какие-то мореходные традиции у антов.

Нам известен, например, поход антской дружины в 360 человек, в качестве союзников Византии и в составе византийского войска, в Италию, в Луканию. В этой войне анты сражались в гористых и трудных местах, но путь в Италию они проделали на кораблях и, повидимому, на своих, а не византийских. Это первый известный нам из источников поход восточнославянских воинов «за море».

Туманные предания о давних походах в Византию сохранились и во времена летописца, который, составляя в XI в. «Повесть временных лет», помнил рассказ о Кие, «приходившу ко царю» (византийскому императору.— В. М.). На обратном пути, «придя Дунаеви», Кий основывает «градок мал». Предание это восходит, повидимому, к событиям VI—VII вв. Византийские источники этого же времени говорят о поселении антов в области города Турриса на Дунае, в пределах империи. Эти свидетельства летописи и византийских источников говорят о частых поездках антов в Константинополь с мирными торговыми и дипломатическими целями, о поселении антов у границ и на землях Византии.

Плавали анты с торговыми целями и в Херсонес (в Крыму). Археологические памятники свидетельствуют о развитых торговых сношениях антов с Византией на протяжении почти всего VII в. С конца VII в. эти связи слабеют, но не прекращаются. В следующем столетии мы попрежнему встречаем восточнославянских моряков на службе Византии. До нас до-

шло вызывающее самые противоречивые суждения упоминание византийского писателя Феофана о том, что, отправляясь в морской поход и собираясь плыть по Дунаю, император Константин Копроним со своей свитой сел в «русские суда». Обычно считали, что в данном случае речь идет о «красных судах» (в греческом языке «красный» звучит, как «рус»), так как русских греки называли «рос», а не «рус». Но это неверно. Византийский император Константин Багрянородный называет русских не «рос», а «рус». Лиутпранд употребляет термин «руссы» говоря, что он его заимствовал у греков. Следовательно, нет ничего невероятного в том, что в VIII в. русские суда плыли по Дунаю.

В глубокой древности заселили восточные славяне берега Черного моря. Поселения русских племен уличей и тиверцев тянулись «оли до моря» и, захватывая низовья Буга и Днестра, выходили к дунайским гирлам. С незапамятных времен обосновались русские люди на Белобережье и в устье Днепра, на острове святого Елферия (Березани). Здесь они ловили рыбу, торговали с корсунцами (херсонеситами). Позднее здесь вырастет город Олешье (на месте современного Цюрупинска) — древнерусский черноморский порт, начнут бороздить воды Черного моря берладники — русская вольница придунайских земель, смелые «галицкие выгонцы». С давних пор русские ездили «гостями» (купцами) и «слами» (послами) в Константинополь, торговали и жили в Византии, сталкивались с греками на северном побережье Черного моря. Русь стремилась укрепиться на берегах Черного моря и настойчиво добивалась от империи признания за ней прав черноморской державы, свободного плавания и торговли, безопасности русских людей, живших в городах «ромеев», «слов» и «гостей», уважения к «закону русскому». Взаимоотношения между греками и русскими определялись соглашениями и договорами.

Образование Киевского государства способствовало укреплению торговых и дипломатических связей с Византией.

Русские торговали с греками мехами, воском, медом, рабами, продуктами своих промыслов и ремесел, изделиями из кости и серебра, кожами и пр.

Складывался великий водный путь «из варяг в греки». Этот путь соединял «море Варяжское» (Балтийское) с «Русским морем» (Черным морем), а через Керченский пролив, Дон и Волгу, с «морем Хвалынским» (Каспийским). Путь «из варяг в греки» шел от берегов Скандинавии и до самого Царьграда (Константинополя).

Хорошо знавший Русь и русских византийский император Константин Багрянородный (середина X в.) так описывает плавание русских по великому водному пути «из варяг в греки» от Киева до Константинополя.

С наступлением ноября князь «со всеми русами»¹ выходит из Киева и отправляется в земли подвластных славянских племен, платящих ему дань. Всю зиму они проводят в полюдье, а в апреле, когда растает лед на Днепре, возвращаются в Киев. В глухих дремучих лесах данники-славяне в течение зимы рубят огромные деревья и, наспех их обстругав, спускают на воду. С наступлением весны такие примитивные лодки-однодеревки спускаются к Днепру. У Киева славяне пристают со своими челнами к берегу и продают их русам. Грубо обработанная колода обшивается бортами, оснащается веслами, уключинами, мачтами, и вот она уже готова в далекий путь. В нее грузится все, что добыто в течение зимнего полюдья путем сбора дани, поборов и торговли: ценные меха, шкуры, мед, воск. В июне русы двигаются вниз по течению Днепра, некоторое время поджидают у Витичева оставших, а через два-три дня пускаются всем караваном в далекое путешествие. Они проходят пороги, где часто поджидают русских купцов алчные и воинственные печенеги.

Особенно опасными в этом отношении считаются Неясыть и Крарийская переправа. Приходится выходить на берег, оставляя вещи в однодеревках и, осторожно прощупывая ногами дно, толкать лодьи шестью. У Неясыти к тому же приходится часть людей выделять для охраны каравана от внезапного налета хищных кочевников-печенегов.

Но вот тяжелый путь через пороги остается позади. Показался остров святого Георгия. Здесь русы делают остановку и у огромного многовекового дуба совершают жертвоприношения. Еще немного — и на горизонте, в Днепровских лиманах, появляется остров святого Элферия (Березань). Тут русы отдыхают два-три дня и готовят свои лодьи для морского путешествия, оснащают их мачтами, реями, парусами, и... снова в путь. Идут морем, держась берегов, делая остановки у Днестра, Белой и в других местах. До самой Селины их преследуют идущие по берегу печенеги, выжидающие добычу. Но вот русы проходят Дичин и «достигают области Месимврии; здесь оканчивается их многострадальное, страшное, трудное и

¹ Под «русами» в данном случае подразумеваются княжеские дружинники, а под славянами — сельское население, платившее им дань.

тяжелое плавание». Впереди плещут голубые воды «Суда» — Босфора и сверкают белые здания Константинополя. Здесь уже начинался торг. Отсюда русские купцы привозили золотые и серебряные вещи, дорогие ткани («паволоки»), фрукты, вина, пряности, стеклянные изделия, «сосуды разноличные» и «всякое узорочье»: украшения, изделия из эмали и т. д.

Русские купцы торговали и с Византийским Крымом. С устья Днепра русские суда поворачивали на Херсонес (Корсунь). Торговля с Корсунем имела большое значение и для Руси и для Византии. Здесь же, у устья Днепра, еще в X в. было какое-то поселение русских воинов-купцов, откуда они ходили в Константинополь и Корсунь, зимовали, занимались промыслами и сталкивались с корсунцами (херсонеситами). Из этого поселения выросло Олешье XI—XII вв., где останавливались купцы-«гречники», как называли в XI—XII вв. купцов, торговавших с Византией.

Значение торговли для развития мореходства на Руси трудно переоценить. Но часто Византия нарушала нормальные отношения, вредила русским купцам, пыталась помешать морским промыслам русских на Беломорье. Тогда русские брались за оружие. И первыми походами Руси, отстаивавшей свое право на независимое существование, свое историческое право на Черное море, были морские походы. «Житие Стефана Сурожского», памятник, датируемый началом IX в., повествует о том, как русский князь Бравлин, придя из Новгорода, прошел с боем все побережье от Корсуни (Херсонеса) и до Керчи и взял штурмом Сурож (Судак).

Через некоторое время русы предпринимают новый поход на византийские владения. На этот раз подверглись нападению не крымские, а малоазиатские владения императора. Русы прошли с боями все малоазиатское побережье от Пропонтиды и до Амастриды.

Поход этот датируется временем не позже 842 г. Рассказывает о нем «Житие Георгия Амастридского». В «Прологе», в «Житии преподобной Афанасии», повествуется о походе русских на остров Эгину, расположенный вблизи побережья, где стоят Афины. Поход на Эгину относится к 813 г.

В эти же годы Русь стала известна и странам Запада. В Бертинских анналах под 839 г. рассказывается о приеме императором Людовиком Благочестивым русского посольства, прибывшего к нему в Ингельгейм из Константинополя. В столицу Византийской империи они прибыли морем, но вернуться

обратно этим же путем не могли, так как по Днепру кочевали воинственные племена (угры).

Эта активность русских на Черном море, русских, выступавших то мирными купцами, то послами, а если затрагивались их интересы, то и грозными и бесстрашными воинами, привела к тому, что за ним закрепляется название «Русского моря». Арабский писатель Аль Масуди в своем сочинении «Золотые луга» (40-е годы IX столетия) пишет о Черном море, «которое есть Русское море; никто кроме них (Русов) не плавает по нему и они живут на одном из его берегов».

Так Черное море превращается в Русское море и остается им на протяжении чуть ли не всего средневековья. Итальянские карты XV—XVI вв. сохраняют за ним название «Русское море».

Расширялись географические сведения русских. «Повесгь временных лет» знает и другой путь в Константинополь — через Балтийское море, Атлантический океан и Средиземное море.

Влияние Руси на все Причерноморье росло. Росла и торговля с Царьградом. Это вызывало опасения со стороны империи и враждебные действия по отношению к русским «гостям» и «сламам».

Незадолго до 860 г., греки нарушили соглашение «между Русью и Греками» и жестоко истязали русских «слов» и «гостей» в Константинополе. Ответом на нарушение Византией договора о дружеских взаимоотношениях с Русью и был поход русских 860 г.— поход, ставивший задачей отмщение за нарушение греками международных соглашений и возобновление старых договорных отношений. Константинопольский патриарх Фотий говорит, что русские «справедливо рассвирепели за умерщвление их соплеменников и справедливо требовали кары».

На этот раз нападению подвергся сам Константинополь. 18 июня 860 г. 200 русских кораблей (по Венецианской хронике Иоанна Дякона 360 кораблей) неожиданно напали на Константинополь, воспользовавшись тем, что император Михаил стянул войско на юг для обороны границ империи в Малой Азии, подвергшейся нападению арабов.

Положение осажденного Константинополя было серьезным. Теперь уже не крымские и малоазиатские владения подверглись нападению русских,— горели предместья столицы империи. Императору Михаилу пришлось вернуться с похода и

начать мирные переговоры с русскими. Наконец, был заключен договор «мира и любви».

Появление русских в 860 г. отмечено не только у Константинополя. Русские прорвались в Мраморное море и напали на остров Теревинт (Принцевы острова).

Недельная осада Константинополя, к величайшей радости жителей города, была, наконец, снята. Русские удалились победителями, увозя с собою договор «мира и любви» — свидетельство их победы и триумфа. Русь вынудила Византию считаться с собой и вписать свое имя в список могущественных и грозных народов. Этот поход на Царьград (Константинополь) летопись связывает с именами Аскольда и Дира.

Объединение Новгорода и Киева, создание могущественного Русского государства, связанное с именем и деятельностью Олега, не могло не вызвать стремления со стороны русских еще прочнее закрепить за собой северное побережье Русского моря. А для этого надо было воевать с Византией. В начале X в. (летопись неточно датирует поход Олега 907 г.) Олег предпринимает поход на Византию, и исключительный успех, которого он добился (это нашло отражение в договоре Олега с Византией 911 г.), объясняется тем, что Олегу удалось сплотить силы Руси и укрепить формирующуюся русскую государственность. Летопись с рядом красочных подробностей рассказывает под 907 г. о том, как «Иде Олег на Греки», собрав множество воинов различных племен Руси («2000 корабль... а на корабли по 40 мужь»), «приде Царюграду» и «на конях и на кораблях».

Византия вынуждена была заключить мир, уплатить дань (по 12 гривен на человека, по другим вариантам «на ключь», то есть уключину) и платить ее вперед «на Руския грады».

С огромной добычей, повесив свой щит на воротах Царьграда, увозя выгодный для Руси договор, Олег возвращается в Киев.

Так русский князь продиктовал «позорные для достоинства Восточной Римской империи условия мира» (К. Маркс).

Договор Олега (911 г.) является юридическим оформлением (и отнюдь не первым, при этом) длительных связей Руси и Византии, соглашением, в котором ясно выступают Русь в роли диктующей, а Византия — принимающей условия мира.

Такие же старинные и живые связи установились между Русью и Востоком. Восходят они тоже ко временам седой древности, когда русские в составе хазарских войск еще в VII в. бывали в Закавказье, жили в Хазарской столице Итиле, расположенной в низовьях Волги. Позднее, в IX в., по свиде-

тельству восточных писателей Абдул-Касима и Ибн-Хордадбега, русские плавали по Каспийскому морю, выходя «на любой им берег», пробираясь с товарами, а подчас и с мечом, в любой город Закавказья и вглубь Малой Азии вплоть до Багдада.

Искусных и смелых русских мореходов в это время уже хорошо знали на Востоке. В 40-х годах IX в. Ибн-Хордадбех пишет, как о чем-то обычном и давно установившемся, о «пути купцов Русов, а они принадлежат к славянам» по Черному морю в Византию («Рум»), по Дону и Волге в Хазарскую и далее в Каспий.

По свидетельству Аль-Мукадесси и Низами («Искандер-Намэ»), русы привозили в страны Востока меха бобров, соболей, горностаев, рысей, ласок, кунниц, белок, лисниц, одежды из льна («ценою каждая в золотую монету»), «златотканые материи», покрывала из расшитых шелком тканей, щиты, мечи, стрелы, кожи, мед, воск, янтарь, орехи, кору тополя, бересту, шапки, рыбий клей, «рыбий зуб» (моржовые клыки), охотничьих собак и соколов, скот, лошадей и рабов.

Постоянные и все расширяющиеся торговые связи, как это обычно бывало на ранних стадиях развития феодализма, перемежались с военными столкновениями. В правление Хасана — сына Зейды (864—884 гг.) русские впервые напали на Абесгун — остров в Астрабадском заливе.

В истории морских походов русских на Каспийское море следует отметить два этапа: на первом этапе, до середины X в., походы русских на Закавказье и Каспийское море носили характер налетов с целью захвата военной добычи; с середины X в., как это будет показано ниже, происходят изменения в организации походов, меняются их цели. Русские дружинники стремятся обосноваться в Закавказье, восстановить прерванные войной экономические связи и наладить хозяйственную жизнь, установив дружеские отношения с населением завоеванных ими городов и областей.

В «Истории Табаристана» Мухамеда-Эль-Хасана упоминается о том, как в 909 г. («как во время Хасана, сына Зейды») русы на 16 судах прибыли в Абесгун. Они вышли на берег, производя опустошение и захватывая военную добычу. Из Абесгуна русские направились в Анджиле (Макале или Миан-Кале в Астрабадском заливе), где подверглись нападению мусульман и были вынуждены покинуть их владения.

В 910 г. русские повторили поход и сожгли город Сари (Мазандеран), повоевали окрестности Пенджагезара и, взяв

пленных, удалились морем в Дайлеман (Гилян). «Часть их высадилась, а другая часть осталась на море». По приказу правителя Гилян-шаха ночью было совершено нападение на русские. Оставшиеся на судах русские удалились в море.

В 913—914 гг. русские на 500 судах, пройдя вдоль берегов Крыма, миновали Тамань и через Керченский пролив вошли в Азовское море. С согласия хазарского царя они поднялись по Дону, перебрались на Волгу и пустились вниз по течению. Пройдя столицу хазар Итиль, они вступили в море.

Войдя в Каспий, «русские суда распространились по этому морю» и начали нападать на прибрежные города. Русы применяли десанты, высаживая пеших и конных воинов, нападавших на мусульманские войска.

Указание на использование русскими судов для переброски лошадей представляет большой интерес. Русские, высаживая десант, благодаря этому могли сразу же бросать в бой свою конницу. Интересно отметить, что грузоподъемность русских судов еще в XV в., как это мы увидим дальше, Иосафат Барбаро измерял количеством не только людей, но и лошадей.

Отряды русских появились в Гиляне, Дайлеме, Табаристане, Азербайджане у Баку, в Абесгуне. Русские обосновались на островах у Баку, откуда они и совершали свои походы. Неоднократные попытки выбить их оттуда кончались поражением и разгромом флота мусульман. Лишь через несколько месяцев русские с большой добычей повернули обратно.

С течением времени изменяется и характер походов русских на побережье Каспийского моря. Из одного древнееврейского источника («Кембриджский документ») мы узнаем, что русский князь Хельгу (Олег) во времена византийского императора Романа Лакапина (919—944 гг.) взял Тмутаракань на Тамани. Одновременно под власть русских попала восточная часть Крыма.

Отсюда был предпринят знаменитый поход русских 944 г. на Закавказье, отмеченный рядом восточных источников. Они говорят о том, что русские двинулись в поход на Бердаа с северо-востока, с берегов Азовского моря, от Тамани и через степи, присоединив к себе алан (осетин) и лезгов (лезгин), вышли к Дербенту, в Дагестан. Здесь они пересели на лодьи, построенные, очевидно, тут же, на берегу Каспия, и вышли в море.

В августе 944 г. русы были уже на Каспии и вскоре дошли до реки Куры. Здесь, у Мубареки, остановился русский флот.

Затем русы поднялись вверх по течению Куры, вошли в приток и внезапно появились перед крупнейшим и богатейшим городом Азербайджана Бердаа. Навстречу им вышел отряд помощника правителя Азербайджана, которым в те времена был Марзбан-ибн-Мухамед из династии Мусаффиридов. Этот отряд состоял из 300 дайлемитов, 300 курдов и 5000 «добровольцев». Мусульмане не рассчитали своих сил. После часовой схватки войска их были разбиты и бежали. Преследуя бегущих по пятам, русы ворвались в Бердаа и завладели им.

Вступив в город, русы немедленно объявили горожанам, что жизнь их будет пощажена. Русы заявили населению, чтобы все спокойно оставались в своих домах и занимались своим делом, что у них нет разногласий в вере и единственно чего они желают — это власти. Обязанность жителей Бердаа подчиняться им, а обязанность их, русов, хорошо относиться к покоренным гражданам. Ибн-аль-Асир сообщает: «Они сдержали свое слово и, должно отдать им справедливость, они вели себя выдержанно».

Марзбан с 30-тысячным войском попытался выбить русов из Бердаа, был но разгромлен и отступил. Русы укрепились в Бердаа. Это уже не поход, ставивший своей целью лишь захват военной добычи. Русы завоевывали территорию, устанавливали свою власть, оставляли жителям не только жизнь, но и имущество, стремились к восстановлению порядка и нормальной жизни. То, что русы успели сделать уже на Тамани и в восточной части Крыма, они пытались установить и в далеком Закавказье, на реке Куре.

Описание похода русов 944 г. свидетельствует о том, что он был предпринят не отрядами, действовавшими с целью грабежа, а хорошо организованными и дисциплинированными отрядами воинов, посланными на завоевание владений на далеком, сказочно богатом, пышном Востоке могущественным правителем государства русского народа. Это были воины Киевской Руси времен Игоря.

Русы, занявшие Бердаа,— воины. Ибн-Мискавейх описывает их рослые фигуры, говорит об их вооружении — пиках, мечах, палицах и кинжалах. Вступив в Бердаа, русы не думали ограничиться военной добычей и возвращаться к себе на север. Они собирались остаться здесь. С ними были орудия труда: топоры, пилы, молотки. Таким образом их военные предприятия носят государственный характер и отличаются от предшествующих походов русских дружин на южный берег Каспийского моря.

Целью морского похода русских в 944 г. являлось создание в Закавказье, на берегах Куры, с центром в Бердаа, политического образования, подобного тому, которое создано было русскими дружинами на Тамани, у дельты Кубани, с центром в Тмутаракани. Поход на Бердаа был одним из мероприятий по расширению русского государства.

Подробности похода на Бердаа показывают, что занятие Бердаа было совершено стройными и дисциплинированными силами, а не шайками норманнов, нападавших с целью грабежа на христианские и мусульманские города Европы. В рассказах об этих набегах норманны обыкновенно изображаются беспощадными варварами, истребляющими и сжигающими все на своем пути. Едва ли в Европе был случай, чтобы грабители-норманны, при взятии большого города, объявляли жителям, что будут охранять безопасность их жизни и имущество.

Русы же поступали именно таким образом. Они ничего не разрушали, не грабили, не насиловали.

Поход 944 г., как и другие походы, ему подобные, отражал стремительный рост Русской державы, тянувшейся к Византии и Востоку и высылавшей один за другим свои отряды для завоевания «империи на юге» (К. Маркс) и на востоке.

Русы распространялись по Закавказью. Всюду действовали их отряды, покоряя окрестное население. Власть их укреплялась. Но вскоре мусульмане, используя свое численное превосходство, заставили русских уйти в Бердаа. Началась осада города. Попытки Марзбана, располагавшего тридцатитысячным войском, взять город приступом не увенчались успехом.

И неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не эпидемия, разразившаяся среди русов. Под натиском противника русы были вынуждены отступить в цитадель Бердаа, в Шахристан, где эпидемия стала свирепствовать еще больше. Увидев, что держаться дальше невозможно, русы покинули Шахристан, вышли к Куре, где стояли наготове их суда, и ушли на них в море.

Все источники единодушно отмечают храбрость русов. Русы не сдавались и предпочитали смерть плену. Они не отступали даже тогда, когда враг явно превосходил их числом. Ибн-Мискавейх сообщает, что однажды целая толпа мусульманских воинов напала на пять русов, проникших в один из садов Бердаа. Ни один из русов не хотел сдаваться и все они погибли в неравной схватке.

Отступление русов из Бердаа произошло уже в конце лета

945 г. Никто не решался ни задерживать, ни догонять русских, и они беспрепятственно ушли на Каспий. Дальнейший их путь и судьба неизвестны. Повидимому, они вернулись на Русь.

О походе русских на Бердаа долго помнили в Закавказье.

Красочное, но фантастическое, хотя и не лишенное интереса для исследователя, описание похода дает в своей поэме «Искандер-Намэ» Низами. Несмотря на поэтическую фантазию (у Низами главным героем является Александр Македонский, историческая деятельность которого протекала не в X в. н. э., а в IV в. до н. э.), в произведении Низами есть много ценного и правдоподобного.

Страницы «Искандер-Намэ» Низами, посвященные бою Александра Македонского с русскими, очень ярки и красочны. Александр, победивший весь мир, лишь с огромным трудом, после тяжелых семикратных боев, сламывает сопротивление русов. На страницах поэмы «Искандер-Намэ» рассыпано немало ярких характеристик, рисующих русов как смелых воинов, мужественных людей, привыкших к лишениям и готовых в жесточайших боях отстаивать независимость своей страны.

В 941 г. князь Игорь предпринимает поход на Византию. Поход Игоря, повидимому, был вызван нарушением со стороны Византии условий договора. 11 июня 1000 русских лодей появились у стен Царьграда. Используя знаменитый «греческий огонь», сжигавший все, что могло гореть, византийцы вынудили русских отойти к берегам Вифинии и Пафлагонии. Но сюда император бросил македонскую кавалерию. В Вифинии русские отряды, посланные в глубь страны за припасами, были разбиты, а стоявший в гавани флот окружен византийской флотилией Феофана. В сентябре 941 г. русские прорвались через строй греческих судов и хотя понесли большие потери, но все же часть русского флота ушла к Керченскому проливу, избегая засады печенегов на Днепре.

Неудача 941 г. не смутила Игоря. В 944 г. он, «совокупив вои многих, Варяги, Русь и Поляны, Словени, и Кривичи, и Тверьце», наняв печенегов и взяв у них заложников, «поиде на Греки в ладьях и на коних, хотя мстити себе». Это были тяжелые времена и для империи и для императора Романа. Борьба с арабами и болгарами обессилила Византию.

Момент для нападения на Византию Игорем был выбран очень удачно. И когда силы Руси двинулись на Византию, угрожая ей с суши и с моря, то еще на Дунае русские войска были встречены послами Романа, которые предложили Игорю

попрежнему брать с Византии дань, как «имал Олег», и заключить договор. Договор был заключен, и, взяв у греков «злато и паволоки... на вся вои», Игорь повернул обратно. Русско-византийские отношения были восстановлены.

Походы на Черное и Каспийское моря создали Руси славу мореходной державы.

Мы уже видим, как купцы-русы, по свидетельству восточных писателей, ездили в Булгары на Каму и в Итиль, в «море Джурдана» (Каспийское). Пробирались русские купцы и дальше. Вениамин Тудельский (писатель X в.) говорит о русских купцах, торговавших в Северной Африке, в Александрии, а Масуди рассказывает об одном русском племени, которое торговало «с Андалус» (Андалузией) в Испании.

Все эти торговые поездки и военные походы могли быть предприняты лишь по морям.

Так складывались и приобретали все большее и большее значение на начальных этапах истории древней Руси великие водные пути. Очень большую роль играл путь «из варяг в греки», важнейшая торговая артерия Руси. Это был путь мирной торговли, путешествий «слов» и «гостей», поездок «воев», отправлявшихся на службу к императору и сражавшихся в рядах византийского войска и в командах византийских кораблей. Этим путем ездила в Царьград и княгиня Ольга в 957 г., и русские паломники в XII и XIII вв.

Не менее важное значение имели пути, ведущие на Восток. Не случайно во время похода Святослава на камских болгар и хазар один отряд русских в ладьях прошел по Волге, вышел на Каспийское море и, по свидетельству восточного писателя Ибн-Хаукаля, отправился «тотчас в Рум (Византию.— В. М.) и Андалус».

На первый взгляд покажется невероятным морской поход русов в далекую Андалузию. Надо было пройти Босфор и Мраморное море, Дарданеллы и Эгейское море, переплыть Средиземное море, пройти между Европой и Африкой. Но современники были иного мнения о мореходных качествах русских. Масуди, сообщая о нападении язычников на Андалузию («Андалус»), Испанию, писал, приводя различные взгляды на этническую принадлежность этих язычников: «Я же думаю... что этот народ — Русы, ибо никто, кроме них, не плавает по этому (Черному) морю, соединяющемуся с морем Укиянус (океаном.— В. М.)».

Для арабских писателей русские — искусные и смелые мореходы, и появление их в отдаленных от Руси уголках хри-

стианского и мусульманского мира ни у кого не вызывает удивления. Поэтому морские походы не только русских, но и других народов, арабы связывают с русами и считают их инициаторами и организаторами многих смелых морских предприятий.

Следует напомнить, что «дубы» и «чайки» запорожцев, мало чем отличавшиеся от людей их далеких предков, плавали в водах не только Черного моря, но и в водах Балтийского моря, в шведских шхерах, появились у Дюнкерка, участвовали во взятии Сарагоссы в Испании. Русские поморы и казаки-землепроходцы, следуя традициям пращуров, совершали героические плавания по водам Баренцова и Белого морей, Ледовитого и Тихого океанов, Берингова пролива и побережья Шпицбергена.

Знаменитый поход Святослава на Дунай и в пределы Византийской империи был предпринят и по суше и морем. Святославу удалось войти на своих лодьях в Дунай незамеченным и успешно, с боем, высадить свои войска на берег. Это была блестящая десантная операция. В результате ее Святослав получил восточную часть Болгарии.

Вскоре началась война с греками. Новый византийский император Иоанн Цимисхий направил на Дунай флотилию в 300 судов, чтобы отрезать русским путь к отступлению. Эпопея великих битв Святослава на Дунае свидетельствует о том, что своей флотилии русский князь придавал очень большое значение.

Когда на Дунае показались «огненные корабли» греков, по приказу Святослава русские «немедленно собрали все свои лодьи» (Лев Диакон) и поставили их на берегу Дуная, у городской стены Доростола. Греки не отважились проникнуть вслед за русскими и дать им бой, несмотря на то, что располагали «греческим огнем», и остались выжидать, блокировав Доростол со стороны реки и отрезав путь отступления русским.

Однако блокировать полностью русский флот не удалось. Искусные русские воины-мореходы предпринимали вылазки и добывали продукты питания для осажденного в Доростоле русского воинства.

Однажды, темной, безлунной, дождливой ночью двухтысячный отряд русских воинов совершил необычайно дерзкую вылазку на лодьях. «Собравши откуда каждый мог хлеба, пшена и прочие питательные продукты для жизни, они по реке на челноках ввозят все в Доростол. Во время обратного плавания, увидя

на берегу реки немало слуг и солдат, тех, которые поили лошадей, и других, кормивших лошадей, а некоторых пришедших за дровами, выйдя из своих судов без шума и неожиданно нападают на них, многих убивают, а остальных заставляют расеяться в соседних чашах, затем вступают в свои челны и, напутствуемые попутным ветром, несутся к Доростолу. Узнавши об этом, царь впадает в страшный гнев и обвиняет начальников флотов в сильном преступлении, что они не узнали об отплытии варваров из Доростола. Угрожал он и смертью, если еще случится что-либо подобное» (Иоанн Скилица).

Военные действия в последующее время развернулись на суше, однако вскоре снова встал вопрос о флотилии. Положение осажденных русских было очень затруднительным. Из 22 000 человек, оставшихся в живых, лишь половина сохранила боеспособность. Другая половина, вследствие голода, болезней и ранений, вышла из строя и принимать участие в битвах не могла. Голод принимал угрожающие размеры. Помощи ждать было неоткуда. Греческие «огненосные» суда отрезали пути отхода по Дунаю. 21 июля 971 г. Святослав созвал совет. Собравшимся на военный совет начальникам русских «боев» Святослав охарактеризовал положение и поставил перед ними вопрос: «что делать?». Одни советовали тихо, в глухую ночь, сесть на лодьи, незаметно пробраться через цепь «огненных» судов греков и уйти на Русь, ибо дальнейшее сопротивление становится невозможным. Другие предлагали заключить с императором соглашение и таким образом спасти остатки войска, так как прорваться через греческую флотилию не удастся, и русские суда будут сожжены «текучим огнем».

Это обсуждение показывает, какую роль играли суда в боевых действиях воинства Святослава. Видимо, у русских было немало лодей, если они полагали возможным посадить все воинство на свои суда.

Из обстоятельств и условий переговоров Святослава с византийским императором следует, что свой поход Святослав предпринял не столько по суше, сколько по морю. Большая часть русских воинов прибыла на Дунай в лодьях. Преграждала путь русским не конница греков, а их суда. Конницы у русских было мало, а следовательно, средства передвижения их были не столько кони, сколько лодьи. Вел переговоры с императором Святослав опять таки сидя не в седле, а на скамье лодьи, и на Русь, «к порогам» русские воины пошли «в лодьях». К сожалению, в литературе не подчеркивается морской характер похода Святослава.

Чрезвычайно большую роль в истории Руси X в. сыграл поход князя Владимира на Корсунь. Перед этим императоры просили помощи у Руси. Владимир выполнил обещание, данное Византии, и отправил ей на помощь отряд русских воинов в 6000 человек. Византийские императоры своего слова не сдержали и, в ответ на это, весной 989 г. русские суда спускаются по Днепру, выходят в море и пристают у Херсонеса (Корсуня). Пользуясь указаниями жителей, расположенных к русским, Владимир перекопал водопровод, снабжавший Корсунь водой, и город вынужден был сдаться.

Взяв Корсунь, Владимир отправил гонцов к императорам (в это время в Византии правили два императора), грозя явиться в Царьград. И эта угроза была реальной. Увидеть под стенами Византии русское войско не входило в расчеты императоров. Пришлось выполнять условия договора с Владимиром, сумевшим мечом добиться восстановления своих погранных прав.

В Корсунь прибыла Анна, сестра императоров, отданная замуж Владимиру, прибыли священники. Началось крещение Руси.

Однако вернемся к судьбам русского отряда, посланного Владимиром на помощь византийским императорам. Русские воины на службе у византийских императоров не были редким явлением. О первых русских воинах в Византии говорит Константин Багрянородный. Из его сочинения мы узнаем, что русский отряд в 700 человек принимал участие в морском походе на Крит в 902 г. и сражался с арабами. Нам известно и о других морских походах русских в составе византийского флота, уже в более позднее время. Речь идет о походе на Италию, против лангобардов, в 936 г. при Романе Лакапине, в котором принимало участие 415 русских воинов; о походе на о. Крит в 949 г., когда в составе греческой флотилии было 9 русских судов с 629 воинами. В это время 7 русских судов находилось в Диррахиуме и Далмации, а остальные в Калабрии и Испании. В 961 г. Роман II просит у Ольги помощи для организации похода на Крит. Эта помощь была оказана и снова русские воины в составе византийского войска, организованные в особый отряд, предпринимают морской поход на далекий Крит.

Интересно отметить, что русские воины, принимавшие участие в морских походах византийских императоров, получали более высокое жалованье, чем их иноплеменные товарищи, также служившие наемниками у «ромеев». Это свидетель-

ствуем о том, что русских мореходов Византия высоко ценила. Не случайно современник этих событий Лиутпранд пишет, что «могущество византийцев не в собственных силах, но в нанятых солдатах из Амальфи и Венеции и в русских моряхах».

Как мы уже видели, летом 988 г. шеститысячный отряд русских воинов, посланный Владимиром на помощь императорам, находился уже в Византии и сражался против мятежников. Остановимся на его действиях в границах Византийской империи и за ее пределами. Воины русского отряда сражаются в византийских войсках в южной Италии при Каннах в 1019 г., отбивая яростные атаки французских норманнов. Мы их снова встречаем в Италии в 1025 г., в 1038—1042 гг., когда они сражаются в Апулии и Сицилии. Русские воины сражаются у города Бари, в Калабрии и Апулии в 1009 (или 1010) г., в 1047 г. они снова воюют в южной Италии. Действия русского отряда в Византии свидетельствуют о высоком военно-морском искусстве русских.

Подчас русские воины, приплывшие в Константинополь на своих лодьях, чтобы поступить на службу к императору, представляли для Византии серьезную опасность, и она пыталась от них отделаться.

Так, в 1018 г. свояк Владимира по прозвищу Золотая Рука («Хрюсохейр» по-гречески) с 800 воинами прибыл на судах к Константинополю, «желая вступить в наемную службу». Когда император предложил ему сложить оружие и явиться к нему для переговоров невооруженным, он «не захотел этого и ушел через Пропонтиду». Разбив стратига Пропонтиды под Абидосом, Золотая Рука ушел к Лемносу. Здесь русские были обмануты византийцами и перебиты.

Это был поход, предпринятый, очевидно, Золотой Рукой на свой страх и риск. Однако вскоре стремление Византии к «игемонии» (господству) заставило самого Ярослава взяться за оружие.

В 1043 г. сын Ярослава Владимир Ярославович, с воеводами Вышатай Остромиричем и Иваном Творимиричем, выступил в поход на Византию. Греки считали этот поход бунтом своих подданных «росов», которые с точки зрения греческих политиков стали подданными императора уже по одному тому, что приняли греческую веру. Но в действительности это была борьба русских с попытками императора и патриарха подчинить своему влиянию, своей власти независимую Русь.

Отношения между Русью и Византией уже некоторое время были напряженными. В Константинополе знали о готовя-

щемся походе и, во избежание осложнений в самой Византии, выслали из Константинополя русских купцов, а русское вспомогательное войско, игравшее, как мы уже знаем, со времени Владимира Святославича большую роль в империи, было выведено из столицы и расквартировано в провинции.

В Константинополе знали о том, что русские обеспокоены враждебностью Византии и готовятся к борьбе. Но пока что обе стороны безбоязненно торговали друг с другом. Поводом к выступлению русских послужило убийство греками какого-то «важного скифа», то есть русского. В ответ на это предательство Владимир Ярославович выступил в поход на Константинополь. Подошли к Дунаю. Русские воины предлагали Владимиру Ярославовичу: «станем здесь на поли». Как и во времена Игоря и Святослава, опытные русские дружинники намеревались идти и по суше («на поли»), и морем. Но наемники-варяги настойчиво предлагали идти только в лодьях («пойдем в лодиях под город»). Владимир их послушался: 400 русских лодий вошли в Пропонтиду. Русские не теряли надежды покончить спор миром и вынудить Византию отказаться от своих претензий, не прибегая к силе. Владимир Ярославович со своими воеводами вел переговоры с императором Константином Мономахом, предлагая ему заключить договор. Император отказался.

В морском сражении грекам помогла страшная буря. «Сильный ветер двинулся с востока на запад; замутив море вихрем, он устремил волны на варвара и потопил одни из его лодок тут же, так море поднялось в середину им, а другие, загнав далеко в море, разбросал по скалам и утесистым берегам». Так говорит об этом сражении Михаил Пселл, византийский историк. «Повесть временных лет» сообщает: «и бысть буря велика и разби корабли Руси».

Воспользовавшись бурей, крупные греческие суда-триеры (триремы) ворвались в расстроенную штормом русскую флотилию и пустили в дело «греческий огонь». Варяги не выдержали натиска греческих судов и пустились в бегство («и побегоша Варязи вспять»). Русские воины продолжали ожесточенно сражаться. Но буря продолжала бушевать. Огромные волны разбивали русские лоды. Русские воины с разбитых лодей сошли на берег, а оставшиеся лоды стали отходить на север. Император послал за ними вдогонку 14 греческих судов, но русские повернули обратно, дали им бой, часть судов потопили, четыре галеры захватили и убили командующего

византийским флотом Феодоракана. Только после этого русские суда вернулись на Русь.

Этим можно ограничиться в рассмотрении морских походов русских во времена Киевского государства. С середины XI в. начался период феодальной раздробленности Руси.

В работах дворянских и буржуазных историков русского флота походом 1043 г. заканчивалось описание русского мореходства на Черном море, и эти историки возвращались вновь к плаванию русских на Черном море лишь во времена казачества, а чаще всего уже в царствование Петра I.

Считалось совершенно естественным и понятным прекращение плаваний русских по Черному, Азовскому и Каспийскому морям в «удельное время», т. е. в период феодальной раздробленности.

Источники говорят другое. Русские суда продолжают породить воды этих морей, меняется только характер русского мореходства. Вместе с укреплением и развитием феодальных отношений, с одной стороны, исчезают пережитки «военной демократии», побуждавшие к войнам и походам, и мореходство русских перестает носить отпечаток воинственных стремлений эпохи «славного варварства» (К. Маркс), с другой — распадение некогда единого Русского государства на «самостоятельные полугосударства» (И. В. Сталин) — княжества также не может не повлиять на характер мореходства на Руси.

В истории русского мореходства период феодальной раздробленности характеризуется прежде всего тем, что отныне морские походы не диктуются одним политическим центром, как это имело место в период образования и расцвета Киевского государства, эти походы предпринимаются теперь из разных мест, вразброд, в различных направлениях и с различными целями.

Тем не менее нельзя говорить о прекращении активности русских на море со времени распада Киевского государства. А такие утверждения имели место. Если и говорили о русском мореходстве той поры, то имели в виду только плавание по Балтийскому и Белому морям, походы удалых молодцев-новгородцев, плавания вольницы ушкуйников, поездки поморов. Считалось само собою разумеющимся прекращение активности русских в южных морях, обусловленное господством в Причерноморских степях половцев. Также не вызывало сомнения утверждение, что единственным выходом Руси на широкие морские просторы оставалась узкая полоска побережья Фин-

ского залива от Карельского перешейка и до устья Наровы, да пустынные берега неприветливого и холодного Белого моря.

Нельзя, конечно, отрицать роли Балтийского и Белого морей в русской военно-морской истории и в истории мореходства на Руси вообще. Однако имеющиеся в нашем распоряжении факты дают право утверждать, что русские суда бороздили воды Черного и Каспийского морей и в тот период времени, когда Русская земля представляла собой множество самостоятельных полугосударств — княжеств.

Нас не должно смущать то обстоятельство, что летопись и византийские источники не сохранили нам ярких и красочных описаний походов русских воинов на Царьград, как это имело место в X—XI в. Все это понятно. Прекратились грандиозные походы, характерные для «эпохи славного варварства» (К. Маркс), для «варварского государства» — Киевской Руси. Русь была раздроблена на отдельные княжества. Возглавляющая эти княжества феодальная верхушка руководствовалась интересами не всей Руси, а своих земель-княжеств. Некому было собирать многие тысячи воинов, как это было во времена киевских князей.

Таким образом изменение в характере русского мореходства на Черном море в XI—XII в. и позднее, до самого Батыева нашествия, обусловлено причинами не внешнего порядка, — с ними Русь, хоть с трудом, но справлялась, — а внутренним общественным развитием самой Руси, развитием и укреплением феодальных отношений. Не случайно последний поход русских на Константинополь падает на время княжения Ярослава Мудрого и примерно совпадает с периодом интенсивного развития феодальных отношений.

Изменения в социальном строе и в политической жизни Руси не могли не сказаться на существовании ее войн и, в частности, на характере морских походов. От торговли и войн, войн и торговли к регулярным дипломатическим и торговым связям, не осложняемым военными столкновениями — таков путь развития связей Руси с Византией, являющих собой этап в истории русского мореходства.

И не половцам было положить конец плаванью русских по Черному морю. Силой, способной отбросить Русь от Черного и Азовского морей на целые века, оказалось лишь страшное Батыево нашествие. Великий водный путь «из варяг в греки», непрерывно функционировавший, несмотря на то, что почти все время летом, у порогов, мелькали печенежские всадники, не заглох и позднее, когда половецкая волна залила

все Черноморские степи. Так же, как их пращурь в X в., плавали в Царьград в XII в. купцы «гречники», весной плыли по Днепру вниз, а осенью поднимались вверх русские суда, везя в Царьград меха и мед, воск и челядь, а оттуда привозя «паволоки, и золото, и серебро, и овощи различные», «и вина и всякое узорочье». Только немного по-иному называлась эта древняя прямоезжая дорога, сменившая название «путь из варяг в греки» на «Греческий путь».

Не забыт был и другой путь по Днепру и Черному морю — в Корсунь и далекую Тмутаракань, путь, шедший вдоль берегов Крыма. Этим путем, быть может, пришел в свое время (1024 г.) со своей дружиной из Тмутаракани в Киев Мстислав. За такой путь тмутараканского князя говорит то обстоятельство, что он вначале «приде... Киеву» и только тогда, когда «не приняша его Кыяне», «он... шед седе на столе Чернигове». Этим путем трижды ездил в 50—60-х годах XI в. на «остров Тмутараканий» инок Печерского монастыря Никон. Здесь лежал знаменитый «Тмутараканский камень» князя Глеба, с надписью, свидетельствующей о том, что князь интересовался морем и измерил ширину Керченского пролива.

Как бы отмечая собой морской путь из Киева в Тмутаракань, тянутся вдоль него находки вислых свинцовых печатей с надписью «от Ратибора» (трехстрочная надпись: «от/рати/боро»), который был одно время посадником в Тмутаракани. Одна такая печать Ратибора найдена в Киеве, одна в Севастополе, одна под Керчью и две на Тамани. Известны также находки на Тамани камня-балласта той породы, которая встречается только под Киевом (александровский гранит). Связь Тмутаракани с Киевом по морю не прекращалась в течение всего XI, а быть может, и XII вв.

Еще в XII в. Керчь называется «Россия» («Руссия») и входит в Тмутараканское княжество, а Керченский пролив называют «устьем русской реки» (Дона).

Не были забыты и берега Азовского моря, древнее Лукоморье. «Русские села» встретились на пути Вильгельма де Рубрука на Дону (XIII в.). Старинные генуэзские карты помещают русские порты у Калмиуса.

Все это говорит о том, что русские продолжали плавать по Азовскому и Черному морям, направляясь в Царьград и Корсунь, в Тмутаракань и Керчь. Недаром в самом начале XII в. Даниил, «Русьския земли игумен», побывал и в Иерусалиме, и на острове Родосе, где незадолго до него жил «Олег (Святославич.— В. М.) князь русский 2 лета и 2 зиме».

Понадобилось Батыево нашествие для того, чтобы надолго разорвать эти связи и отрезать Русь от Черноморья.

Во второй половине XI и в XII вв. деятельность русских в северо-восточной части Причерноморья была весьма активной. Русские князья не могли примириться с тем, что и Посулье и Поморье стали «землей незнаемой». Вот почему войны Игоря Святославича Новгород-Северского шли далеко в глубь половецких степей, до роковой Каялы, для того, чтобы «поискать града Тмутараканя» и «испити шеломом Дону».

Одновременно в северо-западной части Причерноморья воды Дуная и Черного моря бороздили русские лоды. Всюду по Дунаю, по Днестру и Пруту, по побережью Черного моря стояли русские города: Черн, Берладь, Малый Галич, Белгород и др. Среди них было немало бойких и многолюдных торговых приморских городов: Карна, Дичин, Килия, Каварна, Белгород. Здесь лежали «земли Подунайские», стояли «города Подунайские», жили «подунайцы», русская вольница — берладники.

Берладники часто выходили на своих челнах в открытое море для ловли рыбы, торговли, набегов. Ипатьевская летопись говорит о «рыболовах галичских», промышлявших в «городах Подунайских».

Для нас представляют большой интерес плаванья берладников и «галичских выгонцев» по Черному морю. У впадения Днепра в море стоял, как мы уже говорили, город Олешье. Это был русский порт, предназначенный для торговли, в частности, для торга с Царьградом, последний пункт на пути купцов-«гречников», конец Греческого пути, место, где издавна обитали русские рыбаки.

В этой своей роли Олешье упоминается в Ипатьевской летописи под 1084, 1153, 1164 и 1213 гг. Олешье хорошо знали и в Царьграде и в Генуе, где одно время даже Днепр называли «рекой Олешья». Здесь то, в Дунайских гирлах и Днепровских плавнях, от Берлады до Олешья разворачивается эпопея морских походов «подунайцев».

В 1159 г. один из русских галицких князей Иван Ростиславич Берладник захватывает стоявшие на берегу Дуная два греческих судна («кубары»). Это был год восстания горожан, смердов и берладников в южных землях Галицкого княжества. Повидимому, во время этого восстания «вольница» берладников на своих лодьях выходит в море и захватывает Олешье. Лишь в 1160 г. берладники были изгнаны из Олешья, и то только после того, как против них был брошен спустив-

шийся в «насадах» вниз по течению Днепра вплоть до Олешья многочисленный отряд киевских воевод Юрия Нестеровича и Якуна.

Юрий (Гюрги) Нестерович и Якун разбили берладников, преследовали их по морю до Дичина (Дциня), где «избиша е и полон взяша». Этот налет берладников на Олешье очень напоминает черноморские походы казаков.

Путь по рекам Подунавья в Черное море, а оттуда на Днепр, не был забыт и позднее, в XIII в., когда на сцену выступает все та же подунайская вольница, «подунайцы», галицкие «выгонцы».

В 1223 г., когда княжеские рати двигались на юго-восток к берегам Калки навстречу военачальникам Чингиз-Хана Джэбе и Субэде, «выгонци галичкыйи» спустились по Дунаю или Днестру, вышли в море, морем дошли до Днепра и поднялись по Днепру вплоть до порогов, где соединились с шедшими сухопутем княжескими дружинами. Для нас чрезвычайно важным является то обстоятельство, что свой грандиозный поход галицкие «выгонцы» предприняли морем, а это говорит о том, что, во-первых, морской путь Дунай—Днепр не был забыт в XIII в. и попрежнему был оживленной артерией, и, во-вторых, что «подунайцы» предпочитали лодью коню, т. е. об их мореходных традициях.

Около 1175 г. русские на 72 судах совершают поход по Каспийскому морю, нападают на Ширван и вторгаются во владения Ширван-шаха Ахситана. Русские на короткое время занимают Шемаху, а затем удаляются из Ширвана.

Весьма возможно, что этот поход на Ширван был предпринят другой русской вольницей—бродниками, обитавшими в придонецких и северокавказских степях.

Интересно отметить тот факт, что мореходные традиции на юге России, вплоть до того времени, когда Русь погрязла в «кровавом болоте монгольского рабства» (К. Маркс), дольше всего держались у русской вольницы—берладников, галицких «выгонцев» и им подобных. Последними морскими походами перед тем, как татары надолго отрезали Русь «от устьев ее рек и морских побережий» (К. Маркс), были походы именно русской вольницы.

Возобновилось же русское мореходство на Черном, Азовском и Каспийском морях, если не считать отдельные поездки, вроде плаваний за море гостей-сурожан, путешествия Афанасия Никитина, митрополита Пимена и т. п., лишь в XVI—XVII вв., со времен казацких походов, походов запорожцев,

донских, волжских, яицких и прочих казаков, т. е. все той же русской (в широком смысле этого слова) вольницы.

А это говорит о народных корнях русского мореходства, о том, что морское искусство искони свойственно русскому народу. Не случайно, говоря о стремлении Петра к завоеванию выходов к морю и превращению России в морскую державу, К. Маркс указывал, что оно целиком соответствует «природным способностям и стремлениям великой русской расы»¹.

В 1223 г. грянула битва с монголами на реке Калке. Русские рати потерпели поражение. В степях хозяйничали татары. Путь к Черному морю был в первый раз перерезан новыми грозными завоевателями. По свидетельству Ибн-аль-Асира, много русских богачей и купцов из причерноморских городов «на нескольких кораблях...» переправились через Черное море «в страны мусульманские». Часть этих купцов вернулась впоследствии обратно на Русь, проделав большой путь по Средиземному морю, Атлантическому океану, Северному и Балтийскому морям.

Затем наступили времена Батыева нашествия.

Татары надолго отрезали Русь от Черного моря и потребовалось немало сил и времени для того, чтобы воды его стали вновь бороздить русские суда.

Обратимся к северу и северо-западу Руси. Здесь начинателем и хранителем мореходных традиций являлся Господин Великий Новгород. С незапамятных времен Новгород был «окном в Европу» для русских земель. В IX в. новгородцы положили начало северной части великого водного пути «из варяг в греки» и в том же IX в. прошли его полностью, соединив Ладогу с Киевом и устьем Днепра. Новгородские мореходы связали Балтийское море, «море Варяжское», «Бахр-эль-Варанг» мусульманских писателей с Черным морем, «Русским морем» арабских, персидских и итальянских источников. По северным речным дорогам удалые новгородские молодцы пробирались до «Дышочего моря», «Студеного моря», как называли тогда Ледовитый океан.

Северная Двина привела их в европейскую часть Ледовитого океана, а текущая далеко за Камнем (Уралом) Обь вывела в азиатскую его часть. Новгородские ушкуйники были предтечами мужественных мореходов Севера, русских

¹ К. Маркс. Secret diplomatic history of the eighteenth century, 1899, стр. 87.

поморов XV—XVII вв., смело бороздивших на своих судах воды неприветливых Белого и Баренцова морей, плававших на Колгуев и Новую Землю, Терский берег и Печенгу, Грумант (Шпицберген) и за Норд-Кап, к берегам Финмаркена, за Варангер-Фиорд.

В руках Новгородца был весь северный отрезок великого водного пути «из варяг в греки», шедший по рекам и озерам русской земли, а также весь путь по «морю Варяжскому». Отчалив от новгородских пристаней, русские суда спускались вниз по течению Волхова. В 12—13 верстах от впадения Волхова в Ладожское озеро стояла Ладога (ныне Старая Ладога) — древнейший русский город на севере, важнейший пункт пути «из варяг в греки» и в давние времена центр политической жизни «Славии». Плыли бурным Ладожским озером (озером Нево) до истоков Невы, а затем, по Неве, выходили в Финский залив.

Далее путь русских кораблей лежал на остров Котлин, где была стоянка русских лоцманов. От Котлина поворачивали на юг, шли на запад, держась берега «Чудской земли». В Линданиссе (Кольвани), современном Таллине, останавливались и готовились к пути через море. Те, кто плыл к «гътем» (на остров Готланд) или в Любек, продолжали идти вдоль берегов и, мимо острова Сарема, уходили на Готланд, в Висби, к очередной стоянке (если плыли в Любек) или конечной цели пути. Направлявшиеся в Швецию, в Сигтуна, или в Данию из Кольвани круто поворачивали на север, к берегам Финляндии. Держась вдоль берега, шли на запад, к Або (Турку) и, оставив севернее Аландские острова, добирались до Сигтуны. Если Сигтуна не была конечной целью плавания и нужно было плыть к «доням» (датчанам), то, держась шведского берега, добирались и до Дании.

Давно сложился этот торговый путь по Балтийскому морю; еще в те времена, когда южные берега Балтики заселяли западные славяне. Тогда здесь стояли славянские города Рарог и Дымин, Старгард и Щецин, Колобрег и Вольтинь, Ростки и Гданск, лежали бескрайние плодородные поморские земли.

Это были богатые и многолюдные города, славившиеся мастерством своих ремесленников, предприимчивостью купцов, отвагой искусных мореходов.

Сюда с давних пор, с IX в. во всяком случае, ездили русские купцы. Ездили торговать в городах своих соплеменников — поморян и лютичей — далеких потомков древних

венедов, выходя в море и Невой и Западной Двиной, ездили через славянское Поморье дальше на запад, «из Варяг и до Рима», через Ламанш, Атлантический океан, Гибралтар и Средиземное море в Рим, оттуда попадая все в тот же Царьград.

Восточный писатель Масуди говорит, как одно из племен русских — «лудайа» (ладожане) торгует с Андалузией (Испания), Римом, Константинополем и Хезарией, в перечислении этих стран и городов следуя как бы по пути русских купцов, плывших «в Варягы, а из Варяг и до Рима».

Адам Бременский, писавший в XI в., сообщает, что в Волини, «самом большом из всех городов Европы», «полном товарами всех народов», много «греков», как он называет русских, потому что они исповедуют христианскую веру по греческому обряду. Он пишет, что «пустившись на парусах из Волини, на четырнадцатый день придешь в Остроград (Ладугу или Новгород), который лежит в Руси, где столица Киев, соперник Константинополя и лучшее украшение Греции».

Обилие кладов восточных и византийских монет в славянских землях по берегам Балтийского моря, особенно близ торговых городов, множество серебряных изделий киевского типа, говорит о постоянных торговых связях Руси и западных славян. До XI в. в этой торговле наиболее важную роль играл Киев, а с XI в. — Новгород.

Начало XII в. характеризуется быстрым развитием новгородской торговли на Балтике. Новгородцы широко участвовали в заморской торговле, их суда встречались повсюду на морских путях Балтики.

Новгородские летописи и западноевропейские источники сохранили нам упоминания о пребывании новгородцев в Дании (1130, 1134 гг.), в Шлезвиге (1157 г.), на острове Готланде (1130, 1188 гг.). В эти же времена, среди купцов, приезжавших в Любек с востока, видное место занимали русские, новгородские купцы. Ездили в столицу Швеции Сигтуну и в другие города «свеев».

Новгородцы приезжали для мирного торгова, но если их притесняли, брались за оружие и «рубаша», как это было в Дании в 1134 г. Летописи и западноевропейские источники чаще всего отмечают именно такие события, а не обычный торг.

О тесных связях и регулярных сообщениях Новгорода с Готландом и Сигтуной говорит множество данных. Речь, прежде всего, идет о проживающем здесь русском населении. В главном городе Готланда, Висби, стояла русская церковь

(по некоторым данным — святого Николая, «покровителя всех плавающих и путешествующих»). В городе Гарда на Готланде на стенах церкви обнаружена фресковая живопись, выполненная русскими мастерами. Каменная русская церковь святого Николая и русская колония были и в Сигтуне. Обилие в Сигтуне находок славянской керамики с волнистолинейным орнаментом, которую несомненно привозили русские не для торговли, а для пользования, говорит о многочисленности русского населения в шведской столице. Русские также постоянно жили в Линданиссе, то есть Колывани, древнем чудском (эстонском) городе на месте современного Таллина (Ревеля).

К середине XII в. относится создание в Новгороде организации «купцов заморских», что говорит о развитии заморской торговли. К этому же времени относится учреждение русских дворов «за морем» и иноземных в Новгороде.

Конечно, и «гъте» и «донн» делали все от них зависящее для того, чтобы заставить новгородцев отказаться от плаваний «за море» и ожидать «заморских» купцов у себя в Новгороде. Швеция, Дания, Ганза и Ливонский орден соединенными усилиями добились своего.

Несмотря на, казалось бы, нормальные взаимоотношения между Данией и Новгородом, Готландом и Новгородом, стремление изгнать новгородцев из Балтийского моря, стремление, подкрепленное силой оружия держав, превосходящих своим могуществом одинокий Новгород, было столь сильно, что плавание новгородцев, во всяком случае в западные воды Балтийского моря, сокращаются.

Уже во второй половине XII в. прекратились плаванья новгородцев и в Данию. Вскоре произошло «размирье» и с Готландом. Новгород был один, а на русской земле уже «сеялась и росла усобица, погибало добро дажджьих внуков» («Слово о полку Игореве»). Феодальная раздробленность ослабила Русь, как политический организм, и сделала ее врагов более дерзкими и настойчивыми.

В начале XII в. шведы вступают на территорию финского племени еми (тавастов), данника Новгорода, находившегося под сильным политическим и культурным влиянием Руси, стремятся проникнуть и дальше на восток, в земли карел и русских. Начался «крестовый поход» шведов на Русь. Новгород взялся за оружие.

В 1142 г. 60 шведских судов напали на караван русских купеческих судов. Однако «свеев» постигла неудача.

В 1164 г. шведы предприняли новый поход, дошли до Ладоги, но были отброшены от ее стен и разбиты на реке Вороньей. Ответом на «крестовый поход» шведов были нападения русских на юго-запад Финляндии, где раньше «гостили» и торговали (отсюда название Турку — «торг») новгородские купцы, а теперь обосновались шведы. Походы русских в эти края начались в 60-х годах. Особенно выделяется поход 1178 г.

Но наиболее крупным военно-морским предприятием Новгорода явилось взятие и разрушение в 1187 г. карелами и русскими шведской столицы Сигтуны. Это был удар большой силы.

Поход на Сигтуну был нелегким предприятием. Большой и прекрасно укрепленный высокими стенами и замками-форпостами, а также естественными препятствиями — болотом и скалами — город лежал на самой отдаленной от моря точке побережья в заливе Мелар. Дойти до Сигтуны можно было только хорошо зная фарватер, а взять город — только обладая сильным флотом. И, тем не менее, русские и карелы овладели городом, откуда шведы начали вторжение в их земли.

Следом победы русских являются так называемые «Корсунские врата» Софийского собора в Новгороде, привезенные из Сигтуны.¹

И, наконец, в 1198 г. новгородцы совершили поход на шведские владения в Финляндии, тянувшиеся цепочкой по берегу залива. Взят был и город Турку (Або). После этого борьба Новгорода со шведами идет на убыль. Объясняется это тем, что походы против шведов предпринимались часто отдельными землями Новгорода, иной раз носили характер походов вольницы, а новгородское боярство перестало интересоваться судьбой земель еми и суми (суоми), где когда-то было очень сильно влияние Новгорода. Это и дало возможность шведам обосноваться в землях старинных данников Руси — еми.

XIII век в русской истории — это период, когда Русь «распадалась на уделы, делилась и подразделялась... была раздираема феодальными войсками и теряла целые области вследствие интервенции соседних народов» (К. Маркс).

Остановимся теперь на проблеме освоения русскими море-

¹ По ошибке, врата Софийского собора, привезенные из Сигтуны, называли «Корсунскими».

ходами северных морей и, в первую очередь, Белого моря. Задача эта весьма трудная. В исторических источниках Белое море представляется как уже давно и прочно освоенное суровыми и предприимчивыми русскими людьми. Однако, когда начался этот процесс освоения, когда впервые русские суда были спущены на воды Белого моря, кто были те русские, которые первыми не побоялись холодной беломорской волны, когда и откуда они пришли сюда — все эти вопросы, к сожалению, не освещены в письменных источниках.

«Неродимая земляца» северных и восточных окраин вынуждала новгородцев стремиться к морям и рекам, изобилующим рыбой, к лесам, богатым пушным зверем. Всем этим были богаты далекие «земли» новгородские, «волости», лежащие на крайнем севере, земли подлинных и потенциальных данников Новгорода, малочисленных и слабых северных народов: лопи (саамов), чуди заволоцкой (коми-зырян), югры (хантов и маньси), самоеди (ненцев). Сюда на север шли простые люди, «меньшие», спасаясь от эксплуатации бояр; стремились и боярство для того, чтобы эксплуатировать русское и нерусское население Поморья, Подвинья, Приуралья.

Русского человека на далекий север к берегам Белого моря привело то же самое стремление к освоению богатых пушным зверем и рыбой, птиц и морским зверем, лесов, рек и морей, жажда промысловой деятельности, характерная для русских людей предприимчивость, которая привела правнуков беломорских поморов, казаков-землепроходцев в XVI—XVII вв. на Камчатку и Колыму, на берега Иртыша и Амура, к Охотскому и Берингову морям.

В «Повести временных лет» (1096 г.) имеется замечательный рассказ новгородца Гюряты Роговича о «странах полуночных» (северных), обильных пушным зверем. В новгородской Софийской первой летописи говорится о том, что в 1032 г. новгородец Улеб ходил на Железные Ворота, т. е. к Карским Воротам Новой Земли. Поход был тяжелый и «опять (обратно.— В. М.) мало их приде».

Печера, Югра, Самоядь, горы до Лукоморья, в которых не трудно усмотреть Уральские горы или, по-новгородски, «Камень», Новая Земля, Обь — таковы географические познания новгородца конца XI и начала XII вв.

Карл Маркс подчеркивает, говоря о Новгороде XII в.: «его корабли ходили в Любек; его жители сквозь дремучие леса проложили себе путь в *Сибирь*; неизмеримые пространства

между Ладожским озером, Белым морем, Новой Землей и Онегой были ими несколько цивилизованы...»¹

На далекий, суровый и холодный негостеприимный Север уходившие со своих «неродимых» земель предприимчивые новгородцы проникали разными путями. Шли Свирью на Онежское озеро и далее, через реку Водлу, на Онегу, а оттуда прямо к морю или через реку Емцу на Северную Двину. Шли и через реку Вытегру к озеру Лаче, а оттуда речками и волоками попадали в море или на Двину. Уходили к морю и через северный берег Онежского озера на реку Выг, Суму и Нюхчу — прямо к берегам Онежской губы. Шли от Корелы в «дикую лопь», а оттуда через Карелию к Белому морю.

Когда же русские обосновались на берегах Северной Двины и Белого моря? Не позже конца XI в. Уже в 1137 г. упоминается Иван-Погост, позднее вошедший в состав Холмогор.

Так шел на Север русский люд из земель новгородских. Но существовал и другой путь, по которому русские люди проникали на Север. Речь идет о колонизационном потоке, устремившемся на Север из междуречья Волги и Оки, из земель Владимиро-Суздальских и Белозерских. Уже в самом начале XIII в., а быть может, и несколько ранее, на Севере появляются владения великих князей владимирских. Из грамоты великого князя Андрея Александровича известно, что издавна великий князь посылал «на море» свои «ватаги» для поимки ловчих птиц, «ходил» на «Терскую сторону». По аналогии с грамотой Ивана Калиты, можно предположить, что ходили на Тре с «Печорской стороне», осваивая «Зимний берег» Белого моря, где исстари стояли ловческие заимки князей северо-восточной Руси.

Итак, не может быть сомнений в том, что в XI—XII вв. освоение русскими Севера и, в частности, берегов Белого моря, достигло значительных успехов. Выход русских промысловых людей на морское побережье не мог не сделать их поморами. Бойкий торг продуктами северного морского зверобойного промысла, столь характерный для Новгорода того времени, в первую очередь свидетельствует о том, что новгородцы не боялись на своих утлых суденышках устремиться по холодным волнам Белого моря далеко на север. Более того, русские поморы уже в те времена постоянно и регулярно пересекали Белое море с юга на север и с севера на юг. На

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 156.

Двину, в Заволочье, на берега Белого моря новгородцы ходили каждый год.

С южного берега Белого моря новгородцы проникли и на северное его побережье. Кольский полуостров был освоен выходцами из Заволочья. К XIII в. уже вся земля саамов была обложена данью в пользу новгородцев. Русские владения по побережью Баренцова моря тянулись в те времена гораздо дальше на Запад, чем во времена последующие. Следовательно, уже тогда русские суда бороздили воды и Белого и Баренцова морей.

Итак мы видим, что период феодальной раздробленности отнюдь не характеризуется прекращением активности русских на морях, и Новгород отнюдь не является исключением в этой области. Меняется только характер мореходства, характер морских походов, пути русских мореплавателей. Тяга к морю, воплощенная в конкретных делах, в русском народе отнюдь не умирает, а продолжает жить, сохраняется под пеплом татарского пожара, и во времена казачьих походов она, как искра, начнет разгораться в пламя.

Вполне естественно нас интересует вопрос: какими средствами преодоления водных пространств обладали русские, как выглядели их первые суда, как эволюционировало судостроительное мастерство, как возникало и развивалось мореходное и, в частности, военно-морское искусство? Как ни скудны наши сведения, как ни ограничен круг наших источников, но и на этот вопрос можно дать ответ.

В письменных источниках древнейшие русские суда выступают под названием «кораблей» и «лодий» (ладий, олядий). Эти термины употребляются для обозначения всякого судна вообще. Слово «корабль» существует во всех без исключения славянских языках. Слово это, как справедливо указывал И. И. Срезневский, «живет, как народное».

Корень «кор», «кора», лежавший в основе слова «корабль» («корабль»), лежит в основе и таких слов, как «короб», «коробка», «корзина», и обозначает некое вместилище, сделанное из коры. Не случайно и до сих пор в чешском языке слово «кораб» обозначает и древесную кору, и большую лодку. И это вполне понятно, если мы учтем, что древнейшие суда делались из прутьев и обшивались корой, а позднее кожами.

Таким образом, в славянских языках понятие «судно» обозначалось словом «корабль» потому, что некогда, в очень отдаленные времена, суда действительно представляли собой лодки, сделанные из коры. В других индоевропейских языках

слова, обозначающие суда, уже не отражали этой ранней ступени судостроительного искусства и слово «корабль» пришло в греческий язык в архаическом, первоначальном его значении из славянских, в частности, из русского языка. В греческом языке слово «корабль» в обозначении судна появляется лишь с VII в., когда Византия уже познакомилась с судами восточных славян. Не случайно император Константин Багрянородный называет «кораблями» только русские суда. Следовательно, слово «корабль» в греческом языке является заимствованием из русского. Из греческого языка этот славянский термин, обозначающий судно, перешел в языки ряда народов, соприкасающихся со Средиземноморьем (позднелатинский, испанский, португальский, арабский). Очень древним термином было и слово «лодья», также встречающееся в ряде славянских языков (чешский, польский, вендский, поморско-люнебургский). Русский термин «лодья» вошел в языки северных соседей Руси — шведов и финнов.

Все это говорит о древности русского судостроения и о влиянии его на искусство строительства и вождения судов у соседей.

Можно наметить несколько этапов в истории судостроения у восточных славян и несколько типов судов, последовательно сменяющих друг друга. Древнейшим судном восточных славян (да и всех славян вообще) является уже упомянутый выше архаический «кораб», сделанный из гибких прутьев, скорее всего ивовых, и обшитый корой, а затем и кожей, напоминающий пироги индейцев и каяки эскимосов, чрезвычайно легкий, удобный при переноске через бесчисленные «волоки» и пороги, быстрый на ходу, но малоустойчивый, маловместительный, непрочный и почти непригодный для плавания в открытом море. Время монопольного господства таких судов у восточных славян отделено от первых письменных источников не сотнями, а тысячами лет.

Вторым по времени и гораздо более совершенным типом судна является лодка-однодеревка («лодья»). Это были огромные древесные стволы, выдолбленные внутри и обтесанные; они могли вместить сравнительно большое количество людей и груза, но все же были не очень вместительны и малоустойчивы. Далеким их потомком, миниатюрным по размерам, является кое-где уцелевший до наших дней рыбацкий долбленый челнок-душегубка. Такие долбенки-однодеревки в первоначальном своем виде длительное время сохранялись в качестве речных судов, особенно на небольших речках и озерах,

но на море они, повидимому, в скором времени уступили свое место судам другого типа.

Третьим по времени типом судна, с которым русские и выступили в военно-морской истории и появились у стен Сурожя и Амастриды, Константинополя и Бердаа, были так называемые «набойные лодьи». Долбленая колода-однодеревка составляла у «набойной лодьи» как бы только основу, остов, киль. Надводная часть такой лодьи увеличивалась нашивкой к бортам колоды путем «набоя» край на край, одна на другую, досок («набоев»), что значительно увеличивало ее размеры, грузоподъемность и устойчивость.

И, наконец, четвертым типом явилось судно, целиком сделанное из досок («лодья досчатая», или «дошаник»). Его размеры не определялись величиной колоды и форма его полностью зависела от желания судостроителей. Такого рода «лодьи» со временем получили преимущество перед «набойными» лодьями и стали называться «лодья морские» или «лодья заморские».

Во время раскопок в Старой Ладого в 1948 г, в слоях X в. были обнаружены так называемые «кокоры» такой досчатой лодьи. Это громадные деревянные скрепы-ребра (шпангоуты), служащие для соединения и скрепления досок, составлявших борта «лодьи заморской». В XI—XII вв. упоминаются «насады» («носасы»). «Насады» были вместительными судами, и, повидимому, были близки к «набойным» лодьям.

«Русская Правда» устанавливает штрафы за кражу судов. Самый большой штраф полагается за кражу морской лодьи — 3 гривны, за набойную лодью устанавливается штраф в 2 гривны, за лодью — 60 кун (в гривне 50 кун), за струг — гривна и за челн — 20 кун. Следовательно, струг дешевле лодьи и, несомненно, меньше ее. И, наконец, понятно, что маленький речной челн стоит дешевле всех. Источники упоминают еще учаны, приравняемые к челнам, но больше последних. Встречаются еще скеди, триеры, дромоны. Однако эти названия скоро исчезли из русских памятников и слова эти обозначали иноземные суда. Изредка встречаются гален (галеры) и шнеки.

Судостроительное искусство на Руси непрерывно совершенствовалось. В 1151 г. в бою на Днепре действовали лодьи Изяслава Мстиславовича. Лодьи Изяслава Мстиславовича были устроены так, что гребцы были укрыты дощатой палубой, которая одновременно служила помостом для облаченных в броню и обстреливающих неприятеля воинов. «Лодьи» имели

по два руля-весла, одно на корме и одно на носу, что давало им возможность, не поворачиваясь, идти по желанию и передним и задним ходом. Это было первое собственно военное русское судно. Сложными, с «чердаками», богато изукрашенными, были и новгородские суда, память о которых сохранил наш народный эпос.

Как строились суда в древней Руси? Прежде всего в дремучем лесу выбиралось огромное дерево: осина, осокорь, липа или дуб. Исполины лесов в те времена были не редкость. Иосафат Барбаро еще в XV в. видел на Руси липы, выдолбленный ствол которых служил колодой-остовом лодки, вмещавшей 8—10 людей и столько же лошадей. Срубив дерево, его обрабатывали и путем обтесывания, долбления и выжигания придавали колоде лодьеобразную форму. Затем колоду распаривали и раздавали ее кольями для придания соответствующей формы и размеров. Операция эта требовала много времени.

Существовал в свое время и другой способ приготовления такой колоды, требовавший от двух до пяти лет. Он заключался в том, что в дереве, еще на корню, делалась трещина, которая постепенно расширялась путем вбивания клиньев и распорок. Когда дерево принимало соответствующую форму, его срубали, распаривали и, мягкое и податливое, окончательно отделывали распорками и топорами. Затем его обшивали досками. Строилась «набойная лодья». Доски борта прикреплялись к колоде либо железными и деревянными гвоздями, железными скобами, либо пришивались (отсюда позднейшее название такого судна «шитик») ивовыми прутьями или корнями можжевельника. Затем судно снабжали мачтой с реей, парусом, устраняли уключины, весла, якорь, забирали с собой катки и колеса для «волоков». Иногда суда снабжались таранами.

Русские суда, ходившие «за море», вмещали 40—60 человек. Конечно, в лодьи грузились оружие, одежда, пища, пресная вода. Все это говорит о достаточно больших для морских походов размерах «морских лодий». Плавали по морю, держась берега. Ориентиром служили знакомые очертания берега, звезды и солнце.

Самый характер русской равнины, отдаленность главных политических центров от побережья, диктовали особенности русского судостроения и мореходства, русской военно-морской тактики. Пороги и «волоки» требовали плоскодонных судов с минимальной осадкой, легких и сравнительно неболь-

ших по размерам. В то же время суда должны были быть достаточно грузоподъемны, дешевы и просты в постройке. Такой тип судна диктовался особенностями плавания русских людей: одно и то же судно должно было выступать и в качестве морского и в качестве речного. Об этой особенности русских судов говорит «Тактика» византийского императора Льва. Легкость, подвижность и быстроходность русских судов обуславливала и соответствующую тактику русских на море. Как правило, старались использовать неожиданность похода, в бою стремились разгромить врага, используя момент внезапности. Быстро нападали, пытаясь сойтись борт к борту, взять вражеские суда на абордаж, при неудаче быстро отходили, рассыпаясь по морю, уходя на мелководье. При отступлении переходили в контратаки. . .

* * *

Мы рассмотрели историю русского мореходства с древнейших времен и до установления татарского ига, которое отбросило русских от южных морей — Черного, Азовского, Каспийского, разорило Русь, «створило землю Русскую пустыю», «иссушало и оскорбляло самую душу русского народа, ставшего его жертвой» (К. Маркс).

Из всего этого видно, что морские традиции Руси очень древни, что с начала своей письменной истории русские выступают как народ мореходов. И в этой области, как и во многом другом, Русь шла своим самобытным путем. Она создавала оригинальные морские суда и своеобразную морскую тактику, эффективную и живучую. До норманнов и вне связи с ними, Русь выступила в мировой истории как страна предприимчивых и отважных мореходов. Превосходя многие народы и в области судостроения, и в качестве и количестве судов, и, главное, в мореходном искусстве, в морской доблести, русские не порывали с морем после татарского нашествия не только на севере и западе, но и на юге, где уже в XVI в. казацкие «дубы» и «чайки» наводили страх на врагов. Походы запорожцев и донских казаков, плавания поморов, поездки русских людей «за море», отважные экспедиции казаков-землепроходцев, путешествия «за рубеж» — все это подготовило почву для замечательных действий созданного Петром I русского флота. Мужественные и искусные русские моряки открывали неведомые моря и острова, земли и проливы во всех концах земли, оставляя на карте мира русские

имена. Русские моряки обессмертили флот своей Родины Гангутом и Гренгамом, Чесмой и Синопом.

Бережно хранит лучшие традиции русского флота морской флот Советского Союза. В дни Великого Октября, в годы гражданской войны, возглавляемый Лениным и Сталиным, героически сражался за власть Советов молодой Красный флот. В годы Великой Отечественной войны, располагая первоклассной техникой, Советский флот громил врага на морях и океанах.

Совершенствуя свое искусство и усиливая свою боевую мощь, гордо несет свой флаг по морям и океанам победоносный военно-морской флот великого Советского Союза.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Ленинградское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Ленинград «104», Литейный пр., д. № 42 — Редакционно-издательскому отделу Общества.

Редактор — доктор исторических наук *И. И. Смирнов*

М-20228. Подписано к печати 18/V-1950 г. Объем 2³/₄ печ. л.
Заказ 471. Цена 90 коп. Тираж 25.000 экз.

Типолитография Ленинградского отделения издательства ЦК ВЛКСМ
«Молодая Гвардия»

Цена 90 коп.